

2.

ТЕАТР оперы и балета «Эстония» открыл сезон премьерой «Отелло» Верди. Это, может быть, имело особый смысл. Ведь мир отмечает ныне 150 лет со дня рождения великого итальянского композитора.

«Отелло» Верди — шедевр оперного творчества — требует от исполнителей высокого вокального и сценического мастерства. Особенно трудны и благодарны для певцов партии Отелло и Яго, написанные композитором с мелодической щедростью, высокой драматической выразительностью, психологической полнотой. От первых тактов увертюры до последнего вздоха умирающего Отелло все подчинено единому замыслу — раскрытию тончайших оттенков большой человеческой прегелии.

В этот вечер опера шла с воодушевлением. За пультом стоял Нееме Ярви. Он уверенно и увлеченно вел спектакль с его трудной и сложной партитурой. Нееме Ярви — совсем молодой дирижер, но уже поражают его высокая артистичность, умение владеть оркестром и сценой, тонкое понимание природы и стиля музыки.

Слаженно и точно звучал оркестр, на высоте был хор и выразительно пели солисты. Особый интерес вызывало исполнение партии Яго Георгом Отсом. Мы видели многих Яго и в драме, я в опере, и даже в балете. Были эти Яго демоническими, саркастичными, предельно коварными. Но Яго Отса был неожиданным. Очень простой, без всякой рисовки, без какого-либо внешнего намека на злодейство. Чем-то он даже напоминал простого мужика, вернее, рыбака, или самое большее — шкипера. Во всяком случае он был совершенно земным, без всякой таинственности. О нем никак не скажешь словами Блока — «изнутри светится темным светом». Яго представлялся Отсу не только ландскнехтом далекой эпохи, но и человеком, который может жить среди нас, глубоко пряча в сердце ненависть, жестокую изощренность, злобу. Может быть, кто-нибудь не согласится с подобной трактовкой, но бесспорно одно — образ был вполне законченным и очень убедительным.

В партии Отелло экспромтом выступил солист Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова В. Волков. Молодой певец пел темпераментно и выразительно, с большим внутренним подъемом. Дуэт Отелло и Дездемоны (арт. Лилия Панова) был наполнен дыханием любви и поэзии. Под стать этим

Окончание. Начало см. «Советскую культуру» от 22 октября.

трем исполнителям складывался и остальной ансамбль. Интересна работа художника Эльдара Рентера, создавшего единую архитектурную установку, своими красками, колоритом вполне отвечающую духу музыки. От музыки и за музыкой шел режиссер Пауль Мяги.

В спектакле «Кармен» пели молодые певцы, выучившие Таллинской консерватории: Хендрик Крумм — Хозе, Урве Таутс — Кармен, Илья-арт Орав — Эскамильо. У Хендрика Крумма звучный, красивый по тембру голос и совсем молодые годы. Значит, все впереди. Артистичность и темперамент отличают игру Урве Таутс. Но низкие, грудные ноты не в палитре ее красивого и овежаго голоса. Будущее покажет, как окончательно сформируется ее «амплуа».

Ставил спектакль Удо Вьяляоте. Воспитанник замечательного эстонского театра «Ванемуйне», Удо Вьяляоте умело, с тонким чувством пластичности компоновал хоровые сцены и динамично поставил четвертый акт. Но главная нагрузка в этом спектакле, впрочем, как и всегда в опере, пала на дирижера. У пульта опять Нееме Ярви. И снова оркестр звучал в полную силу своих возможностей. О том, какую предварительную напряженную работу провел над этим спектаклем дирижер, свидетельствовал выразительность интонаций, четкость фразировки, четкость и стройность хотя бы такого сложного ансамбля, как квинтет второго акта. Душой спектакля, конечно, был талантливый дирижер.

Но вместе с тем обе эти постановки, как и многое другое, что пришлось нам увидеть и услышать на сцене театра «Эстония», говорят о том, какие сложные задачи стоят сейчас перед руководством театра. Первая — репертуар! И здесь не все благополучно. В течение всего первого месяца нового сезона на сцене «Эстонии» ни разу не прозвучала ни одна национальная опера, в частности «Лембиту» Виллема Каппа (в этом спектакле, поставленном в сезон 1961—1962 гг., участвовали такие замечательные певцы, как Тийт Куузик и Георг Отс). Но, странное дело, национальные оперы ненадолго сохраняются в репертуаре театра. Не потому ли ослабился интерес к этому важному жанру и у композиторов? Очевидно, нет должных доверительных отношений между театром и эстонскими авторами. Между тем в Эстонии накоплен значительный оперный репертуар, который в свое время имел бесспорный успех, снискал доброе отношение широкой музыкальной общественности и критики. Эти оперы не потеряли своего значения и сегодня. Но все-таки они сейчас забыты. А на сцене царственно пребывают «Богема», «Тра-

виата», с которыми еще спорит оперетта «Песня пустыни». Вообще в репертуаре театра значительное место занимает оперетта. Причем отнюдь не классика, и не произведения национальных авторов (мы помним удачную постановку «Румму Юри»), а, так сказать, импортное творчество вроде оперетты Ромберга «Песня пустыни». Написана эта оперетта еще в 1927 году; в какой-то мере она пыталась откликнуться на героическое восстание риффских племен в Африке против испанских и французских колонизаторов. Эта война за независимость (1921—1925 гг.) полна драматических эпизодов, ожесточенных сражений и неимоверных страданий народа и вряд ли может служить канвой для развлекательного опереточного представления, особенно, когда «героем» восстания показан французский офицер, сын губернатора. Но как бы там ни было, оперетта приютилась на сцене театра «Эстония». Каким-то «опрощением» этому может служить только мастерство Георга Отса как режиссера и актера. Он создает интересный «двойственный» образ (герой то принимает волевого, решительный облик предводителя арабов, то представляется этаким паленкиным сыном, рохлей и простотилей). Зритель любит Георга Отса, и поэтому спектакль всегда проходит с аншлагом. Таким вниманием зрителей не может похвастаться оперетта-водевиль «Божественная комедия». В зале пусто, на сцене скучно, хотя многие артисты стараются изо всех сил. Музыка М. Табачникова достаточно бесцветна, лишена колоритности, сатирической окраски, иронических интонаций. Шутливый, ироничный текст И. Штока, построенный на контрасте торжественной патетики библейской темы и прозаической современной речи, конечно, требовал иной музыкальной окраски. Композитор просто не сообразовался с текстом пьесы, созданной как комедия для кукольного театра, затем приспособленной для драматического театра и, наконец, для опереточного представления. Правда, в самом спектакле привлекали остроумные диалоги, стремление к комедийной остроте и легкости. Но все-таки под конец ощущалась общая затянутасть пьесы, повторение приемов.

Спектакль не имеет успеха. И поделом!

Третья оперетта называется «Удивительное приключение мухавцев». В основу сюжета положена повесть Ю. Смуула. По жанру — это рева, музыкальное обозрение, пронизанное народным юмором, чуть соловатым, чуть грубоватым.

Как известно, Эстония — страна народных певцов. Хоровое пение здесь достигло большой культуры и пользуется всеобщей любовью и поддержкой. На певческие праздники, устраиваемые в Таллине, нередко собирается свыше 30 тысяч певцов, объединенных в единый мощный хор. Сейчас для них построена чудесная хоровая эстрада в центре обширного певческого поля.

Но пьеса не об этом. В ней рассказывается, как на один из таких певческих праздников ехала большая группа колхозников с острова Муху, весьма своеобразного по своему быту; как их встретили в Таллине и как некоторые из них попали не туда, куда ехали, что из

этого вышло, и как все потом образовалось. В ней много доброй усмешки, своеобразной лексики, народных сентенций, местами трудно переводимых. Но было, наконец, приятно видеть и слышать на сцене «Эстонии» самобытное произведение. Инсценировке свойственны известные недостатки. Фактически сценическое действие возникает и нем не сразу.

Режиссер Сулев Ниммик несколько затянул ритм и слишком снисходительно отнесся к диалогическим длиннотам. Но с того момента, когда мухавцы прибывают в Таллин, начинаются любопытные приключения героев. Отлично по замыслу, сатирически заостренно поставлена сцена на улице Выру, где находятся модные магазины и где происходят удивительные превращения с манекенами на витринах, которые вдруг становятся живыми стилистами. Стилисты-манекены пляшут, поют и разговаривают с настоящими мухавцами, правда, на весьма странном диалекте деклассированной городской шпаны. В результате некоторые из «островитян» остаются в дураках. В этих картинах отлично видны четкие и с большой выдумкой проведенные мизансценировки. В картине «На Выру» сцена заполнена непрестанно нарастающим движением поющих, танцующих фигур. Все это в какой-то момент воспринимается как некоторая пародия на Вальпургиеву ночь.

Но после всех ночных приключений и превращений наступил чь.

кал) возвращаются «на свои»... Но и тут приходится ждать, что финал спектакля окажется замедлен. Несколько фразочкает и музыка Аарне Ойда, могла бы быть более народно-смешливой, шутливой, а не т. служебно-сопровождающей.

Итак, мы слушали классическую оперу, три оперетты, а также смотрели три одноактных балета, поставленных на музыку Рахманинова, Стравинского и Эйно Таага. Хореография балетов оказалась несвободной от экспрессионизма, даже абстракционизма (речь о том стоит повести особо в контексте всей проблемы балетного искусства на сцене театра «Эстония»).

Надо честно признать, что в театром еще недавно стояла реальная опасность утраты значения как культурного центра такой музыкальной республики, Эстонская ССР, центра, где должны создаваться национальная опера, происходить взаимное обогащение музыкальных культур народов СССР.

Но сейчас условия изменились. В театр пришел полновесный энергичный, высокоодаренный художник-музыкант Нееме Ярви. В театре налицо опытная режиссура и талантливые певцы. Дело за репертуаром, принципиально отсутствующим репертуаром. Эстония — страна певцов, и эстонский оперный театр должен быть на высоте своих возможностей и задач.

В. ЗАЛЕСКИЙ